Самый веселый сюрреалист

«ЖОАН МИРО. ОБРАЗЫ»

Кира Долинина

© SUCCESSIO MIRÓ / ADAGP PARIS & RAO MOSCOW 2013
«Без названия», около 1974 года

© SUCCESSIO MIRÓ / ADAGP PARIS & RAO MOSCOW 2013
«Без названия», около 1978 года

© SUCCESSIO MIRÓ / ADAGP PARIS & RAO MOSCOW 2013
«Без названия»

© SUCCESSIO MIRÓ / ADAGP PARIS & RAO MOSCOW 2013
«Происхождение: Дар художника», 1981 год

В РУССКОЙ культуре Жоана Миро почти и нет. То есть слов, написанных о нем на русском языке, так мало, а вот про Дали, наоборот, так много, что на выходе усатый мистификатор затмил всех сюрреалистов чохом. Вот и стоят, раз за разом, очереди на все без исключения московские выставки Дали, что бы ни привозили — хоть знаменитые полотна, хоть почти всегда сомнительные копии с гравюр. Будут ли стоять очереди на Миро — большой вопрос. А надо бы постоять: историю искусства XX века, полную самого разного толка мрачных и трагичных персонажей, легкий, веселый и тотально жизнелюбивый Миро украшает как мало кто другой.

Он родился в Каталонии в 1893-м. То есть был чуть старше Андре Бретона и Эрнеста Хемингуэя, сильно старше Сальвадора Дали и, что принципиально, больше чем на 10 лет младше Пабло Пикассо. Географически ли, стилистически ли, биографически ли, идеологически ли, но эти имена будут часто пересекаться с его собственным на протяжении его немыслимо долгой, 90-летней жизни.

Барселона — город молодых Пикассо и Миро. Сюрреализм, «самым красивым пером на шляпе» которого назвал Миро Бретон. Париж — мировая столица, захватить которую пытались многие испанские художники, но удалось это только Пикассо, Дали и Миро. Живопись Миро, о которой едва ли не четче всех сказал Хемингуэй: «В ней было одновременно то, что ты чувствовал к Испании, когда ты был там и когда ты не мог быть в ней. Никто другой не мог передать эти две противоположности».

Друживший с Миро еще с совместного их Парижа Хемингуэй знал, что писал. Он за этой картиной, знаменитой «Фермой» (1921–1922) с самого момента ее рождения гонялся, деньги собирал, а потом прожил с ней бок о бок почти 40 лет. Это слияние невыносимых вроде бы противоположностей есть почти фирменный знак Миро. Вот только в его исполнении противоположности сосуществуют в поразительном единстве: в его картинах может быть одновременно пусто и тесно, темно и светло, тяжело и легко. В них могут быть вместе сон и явь, воспоминания и мечты, жизнь и смерть. Глубокие открытые цвета, упругие формы, безвоздушное пространство — все это пульсирует и мерцает, создавая совершенно неповторимые миры.

Строго говоря, ничего совершенно оригинального Миро не создал. Оригинального в том обывательском смысле, когда каждый как бы обязан сделать нечто ни на кого не похожее. Миро шел в плотной волне. Немного в отдалении также пульсировали и мерцали миры Кандинского и Клее, плечом к плечу с Миро вышагивали собратья-сюрреалисты, в заты-

В ЕГО КАРТИНАХ ОДНОВРЕМЕННО ПУСТО И ТЕСНО, ТЕМНО И СВЕТЛО, ТЯЖЕЛО И ЛЕГКО

лок ему дышали американские абстракционисты и главный среди них поклонник Миро — Аршил Горки. Вот только ни немецкая рассудочность и отстраненность первых, ни переполненные нарративными прокладками экзерсисы вторых, ни гипертрофированная пассионарность третьих не могли породить того, в чем Миро равных, пожалуй, почти и нет. Это удивительно спокойное и умиротворенное искусство. В этом своем олимпийском спокойствии он приблизился к великим старцам модернизма — Матиссу и Шагалу. Хотя собственно его искусство даст жизнь явлениям куда более тяжеловесным — от мрачного арт-брюта Жана Дюбюффе до веселых, но перегруженных феминистическими смыслами яростных баб Ники де Сен-Фалль.

Москва, ММСИ на Гоголевском, до 9 июня, в рамках фестиваля «Черешневый лес»